

Ярослав Северцев

Гордый Книга 3 Варяжский узел

Ярослав Северцев

Гордый Книга 3 Варяжский узел

«Автор»

2026

Северцев Я.

Гордый Книга 3 Варяжский узел / Я. Северцев — «Автор», 2026

944 год. Балтика задыхается в минных полях и под огнём береговых батарей. Ленинград умирает от голода. Немцы испытывают новое оружие — управляемые ракеты и акустические торпеды, против которых бессильны любые корабли. «Гордый» — единственный, кто может остановить врага. Уважаемы читатели эта книга еще в черновом варианте поэтому возможны ошибки или опечатки , в данный момент ведется редакция всей серии Гордого прошу это учитывать!

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. «Куда пошлют, там и Родина»	5
Глава 2. «Эшелон на запад»	9
Глава 3. «Балтийский прилив»	13
Глава 4. «Агент «Альфа» возвращается»	18
Глава 5. «Стальной кулак из Пиллау»	22
Глава 6. «Магнитная ловушка»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ярослав Северцев

Гордый Книга 3 Варяжский узел

ГЛАВА 1. «Куда пошлют, там и Родина»

Москва. Кремль. 25 марта 1944 года (вечер того же дня, когда «Гордый» вернулся в Полярный)

Сталин не курил. Это было дурным знаком.

В кабинете Верховного, пропахшем табаком и кожей, повисла неестественная тишина. Василевский замер у карты, Кузнецов стоял по струнке, даже Берия, который обычно позволял себе тереть пенсне, сидел неподвижно, как изваяние. Фомин, вызванный в Москву прямо с пирса, ещё чувствовал на губах привкус крови и солёнки, но стоял прямо, не позволяя усталости взять верх.

«Тирпиц» утонул сегодня утром. А уже к вечеру его, наскоро переодетого в свежий китель, везли через всю страну на военном Ли-2. Это пахло не наградой. Это пахло бедой.

— Товарищ Сталин, — Фомин сделал полшага вперёд, когда молчание стало невыносимым. — «Гордый» после боя требует ремонта. Экипаж измотан. Если это парад по случаю потопления линкора, разрешите попросить отсрочку.

Сталин медленно повернул голову. Его взгляд — тяжёлый, гипнотический — упёрся в Фомина, но привычной льдинки в нём не было. Было что-то другое. Расчёт. Холодный, до скрежета зубового, расчёт игрока, который видит ходы на десять шагов вперёд.

— Фомин, — голос Сталина был хриловатым, с грузинским акцентом, который он почти не скрывал в узком кругу. — Вы говорите — ремонт. Экипаж, говорите, измотан. А я вам скажу так: пока вы топили одного жирного немца, другие немцы взяли на прицел тысячи наших солдат. «Тирпиц» был прошлым. Я хочу, чтобы вы позаботились о будущем.

Он поднялся, опираясь на трубку, и прошёлся к карте Прибалтики. Фомин понял всё раньше, чем Сталин начал говорить.

— Балтика, — сказал Верховный, ткнув мундштуком в Финский залив. — Вы знаете, что такое Балтика, генерал-майор? Это гнилое болото войны. Там каждый корабль — на ладони у немецких батарей. Там нельзя развернуться. Там умирают героями, но не побеждают.

— Знаю, — ответил Фомин. — В моём времени там стоял Балтийский флот. Самая нервная служба. Каждые пятнадцать минут — ложное срабатывание радара.

— В вашем времени, — Сталин невесело усмехнулся. — А здесь нет времени. Здесь только даты. И дата сегодня такая: немцы испытывают в Пиллау ракеты, которые могут разнести любой наш корабль за горизонтом. Ваш «Шторм» их не достанет. Их авиация — догонит. И ваша «Буря» захлебнётся.

Василевский, воспользовавшись паузой, вставил:

— Hs 293, товарищ Сталин. Управляемая планирующая бомба. Немцы перебрасывают их под Кёнигсберг. Цель — сорвать подготовку к Выборгской операции. Мы теряем контроль над заливом.

Сталин поднял руку, заставляя маршала замолчать.

— Фомин, — он посмотрел прямо в глаза. — Я перебрасываю вас на Балтику. Не потому, что у меня нет других адмиралов. Потому что вы — единственный, кто видел будущее и выжил. Ваш корабль не должны видеть радары. Ваши пушки должны сбивать эти ракеты. А ваши люди... — он запнулся, что было редкостью. — Ваши люди должны научить наших балтийцев не бояться смерти. Потому что на Балтике смерти больше, чем воды.

Фомин молчал. Мысленно он уже прокладывал курс: Белое море — Онежское озеро — Ладога — Нева. Восемьсот миль по рекам и каналам, где глубина меньше трёх метров, а любой мост может снести мачты. Безумие. Но привычное безумие.

— Бойтся только тот, кто не знает, за что умирает, — сказал он наконец. — Мои люди знают.

— Хорошо, — Сталин кивнул, и в его глазах на секунду мелькнуло уважение. — Тогда готовьтесь. Кузнецов даст вам карты Балтийского мелководья. Берия обеспечит связь с агентурой в Пиллау. А вы, — он сделал ударение на последнем слове, — вы выйдете в море через неделю. Ремонтируйте свой «Гордый» на ходу. В Кронштадте ваши инженеры получают всё, что просят.

Он вернулся к столу, взял в руки какую-то папку — красную, с грифом «Совершенно секретно. Лично» — и протянул Фомину.

— Здесь приказ о вашем новом назначении. И здесь, — он постучал по корочке, — опись того, что немцы прячут в Пиллау. Изучите в самолёте.

Фомин взял папку, козырнул. На пороге кабинета он обернулся.

— Товарищ Сталин. А если мы не успеем? Если ракеты немцев разнесут Кронштадт до нашего прихода?

Сталин раскурил потухшую трубку, выпустил облако дыма к потолку.

— Тогда, Фомин, вы будете воевать на том берегу. В пехоте. С винтовкой. Ведь вы, кажется, умеете всё?

Вопрос повис в воздухе. Фомин не нашёлся с ответом, лишь кивнул и вышел в коридор, где его уже ждал адъютант с билетом на рейсовый «Дуглас» до Мурманска. В кармане лежала тяжёлая звезда Героя. На сердце — тяжесть новой войны.

06:00. 1 апреля 1944 года. Полярный. Пирс.

«Гордый» стоял у причала, облепленный рабочими, как муравейник. Кац, не спавший третьи сутки, лично проверял крепления глубинных бомб для Балтийского мелководья — там, где глубина едва достигала 15 метров, обычная торпеда воткнулась бы в ил, как спичка.

Фомин собрал экипаж на корме, у временного мемориала с шевронами погибших. Ковальчука, Савельева, Алика (ещё живого, но уже приговорённого судьбой в этой книге), Корсакова. Всех, кто ушёл на дно вместе с врагом или раньше.

— Товарищи моряки, — голос Фомина был сухим, командирским. — Нам приказано идти на Балтику. Там нет просторов Баренцева моря. Там каждый кабельтов — под прицелом. Но там гибнут наши корабли. Там немцы испытывают оружие, против которого мы бессильны.

Он обвёл взглядом строй. Морозов — с костылём, но без кашля. Журавлёв — с перевязанной головой (контузия). Кривошеин — синяки на лице после того, как заклинило податчик. Вершинина — бледная, как полотно, но с твёрдым взглядом. Алик — белые пятна на висках от постоянного ношения наушников.

— Наше оружие — не калибр. Наше оружие — хитрость. Мы будем делать вид, что мы — слабые. Мы будем притворяться мёртвыми. Мы будем бить тогда, когда нас уже похоронят. Потому что другого способа выжить на Балтике нет.

— А если не выживем? — спросил кто-то из молодых, кого Фомин не запомнил по имени.

— Тогда умрём так, чтобы в 2035 году на парадах в честь Дня Победы носили наши портреты, — ответил Фомин, и в этой простоте ответа матросы вдруг услышали то, чего не слышали никогда: не приказ, а исповедь.

Он отпустил строй и подошёл к Кацу, который возился с новой системой — радиопеленгатором помех, скопированным с трофейных немецких установок.

— Семён Ильич, сколько нам ещё стоять у пирса?

— Трое суток, товарищ генерал-майор, — ответил инженер, вытирая руки промасленной ветошью. — Меньше нельзя. Германиевые диоды для новой системы мы наскребли по

всей Мурманской области. Работают, собаки, как наши лампы, но стабильнее. Я на «Купол» повесил блокировку от акустических мин — если уловят определённую частоту, система сама скорректирует ход.

— Акустические мины? — Фомин нахмурился. — Откуда данные?

— Немцы применили их у Ладоги, когда вы гнали конвой, — Кац понизил голос. — Транспорт «Нева» подорвался не на обычной мине. Шум винтов. «Купол» зафиксировал спектрограмму. Я дал обработать её новому нашему... э-э... коллеге, — он кивнул на человека в гражданском, который стоял у станка для проточки стволов.

Человек обернулся. Фомин узнал его. Тот самый пленный инженер из Варангер-фьорда, которого «Альфа» помог захватить. Фамилию Фомин не запомнил — какая-то сложная немецкая, начиналась на «Фон» или «Фор». Но глаза у него были умные, и пальцы не дрожали. Не как у пленного. Как у человека, которому дали второй шанс.

— Рудольф, — представился он, вытирая руки. — Гражданский инженер. Я не нацист, герр генерал. Я хочу домой. А чтобы домой — нужно, чтобы война кончилась. А чтобы она кончилась быстрее — нужно, чтобы вы получили эти ваши... — он запнулся, подбирая слово, — ...ваши чипы из будущего. Но у меня нет чипов. У меня есть знания акустики. И я скажу вам: немецкая мина ТМА-32 реагирует на частоту вращения ваших турбин. Если вы смените режим работы, я дам вам окно в пятнадцать герц, где мина не сработает.

Кац смотрел на Рудольфа как на ожившее чудо.

— Он гений, Макар Палыч, — выдохнул инженер. — Я сам бы до этого дошёл через месяц.

— А у нас нет месяца, — напомнил Фомин. — Рудольф, вы идёте с нами. Как гражданский специалист. В случае боя — в трюм, и не высовываться. Даю слово командира, что вы вернётесь домой живым.

— Слово командира из будущего? — усмехнулся немец. — Звучит как сказка. Но я верю. Потому что если вы — из будущего, то там моя родина проиграла эту войну. И я хочу понять, почему. Может быть, увидев вас в бою, я пойму.

23:00. Кронштадт. Штаб Балтийского флота.

Пока «Гордый» готовился к переходу, в Кронштадте уже знали о прибытии «корабля-призрака». Слухи по флоту расползались быстрее радиограмм. Балтийцы, измотанные обороной Ленинграда, потерявшие сотни кораблей в минно-артиллерийских позициях, ждали чуда. Но ждали со злостью, с недоверием. «Северный корабль», «сталинская игрушка», «генерал-майор на сторожевике» — так перешёптывались офицеры в кают-компаниях.

Контр-адмирал Владимир Петрович Дрозд (командующий эскадрой Балтийского флота) встретил новость о прибытии «Гордого» без энтузиазма.

— Головка прислал нам проблем, — сказал он своему начальнику штаба, глядя на радиограмму. — Корабль с секретной установкой, экипаж из будущего, командир — Герой, который не знает Балтики. Что нам с ним делать? Пристрелить к стенке и забыть?

— Он потопил «Тирпица», товарищ контр-адмирал, — осторожно заметил штабист.

— «Тирпиц» — это океан, — отмахнулся Дрозд. — А у нас тут — болото. Здесь он сядет на мель на третьем кабельтове. И его «Купол» сдохнет от радиочастот нашего Кронштадта. У нас каждый фонарь фонит на всех диапазонах.

Но приказ из Москвы был железным: «Гордому» обеспечить базирование, ремонтные мощности, личный состав для изучения технологий.

Дрозд, подумав, нацарапал на клочке бумаги:

«Фомину. Ждём через пять суток. Кронштадт, пирс № 7. Ваш сектор — острова Сескар и Гогланд. Держитесь подальше от моего штаба. Дрозд».

Он не подписал «с уважением». Он вообще не привык уважать тех, кто не нюхал балтийского пороха.

Но Фомин ещё не знал об этом.

Он стоял на мостике «Гордого», глядя в туман над Белым морем. Корабль готовился к переходу внутренними водами — опасному, полному неожиданностей. Канал имени Сталина (ныне Беломорско-Балтийский) был мелким, извилистым, и любой обрыв шлюза мог превратить «Гордого» в груды металла на гранитных плитах.

— Скорость — пять узлов, — приказал он Журавлёву. — Вахта — усиленная. Кац, смотреть за осадкой. Если начнём цеплять дно — стоп-машина и доклад.

Кац кивнул, и на его лице не было улыбки. Он знал то, чего не знал никто: балтийский поход мог стать последним для «Гордого». Не из-за немцев. Из-за глупости. Из-за того, что в 1944 году ни одна карта глубин не соответствовала реальности.

А в ставке Гитлера, в Растенбурге, тем временем открывали красную папку с пометкой «Операция «Адлерйегер». Час охоты начинался.

Глава 2. «Эшелон на запад»

04:00. 3 апреля 1944 года. Беломорско-Балтийский канал. Шлюз № 9.

«Гордый» вошёл в канал затемно, когда звёзды ещё не погасли, а туман над водой стоял такой плотный, что с мостика не видели носового орудия. Фомин не рискнул включить «Купол-2» — слишком много металла вокруг, каждый шлюзовой затвор давал ложное отражение. Шли на глаз. На старые карты. На доверие лоцману — седому капитану дальнего плавания, которого посадили на борт в Беломорске.

Лоцмана звали Ефрем Ильич Ступин. Ему было под семьдесят, он помнил ещё царскую флотилию на Белом море, ходил на деревянных клиперах вокруг Скандинавии. Немцы для него были «фрицами», большевики — «товарищами», а канал имени Сталина — «рукотворной жилой, которая кормит хлебом». Когда он увидел «Гордый», то долго молчал, потом спросил у Фомина:

— Это чего, подводная лодка? Больно гладкая.

— Сторожевик, — ответил Фомин.

— А чего без мачт? — не унимался старик. — И без дыма? У тебя, товарищ генерал, турки, что ли, какие? Слышал я, турки бывают бездымные, но чтоб на корабле — впервой.

— Ефрем Ильич, — Фомин устало вздохнул. — Ведите канал. Отвечаете головой.

Ступин головой отвечать не боялся — он уже тридцать лет отвечал за каждую проведённую посудину. Сплюнул за борт, перекрестился мелко-мелко и скомандовал:

— Малый вперёд. Право руля пять. Держись левой гранитной стенки, там намыло. Правую не бери — коряги.

04:30. Шлюзование.

Канал был узким — в самом опасном месте ширина не превышала сорока метров. «Гордый» со своей угловатой надстройкой едва вписывался в створ шлюза. Справа и слева — гранитные стены, чёрные от времени, покрытые мхом и копотью. Сверху — заснеженные сосны, редкие, корявые, прижатые северным ветром к земле.

Кац стоял у пульта контроля осадки, вцепившись в поручни. Рядом — Рудольф, немецкий инженер, который впервые видел канал не с воздуха, а изнутри.

— Грандиозно, — сказал Рудольф, рассматривая шлюзовые ворота. — Мы, немцы, построили Зигфрид-линию. Но это... это другой масштаб. Кто это строил?

— Зеки, — коротко ответил Кац. — Заключённые. Беломорканал строили руками каторжан. Погибли тысячи.

Рудольф побледнел.

— В моей стране такие проекты делали военнопленные. Тоже умирали.

— И у нас умирали, — Кац не стал скрывать. — Война, Рудольф. И стройка. Разницы нет, кто умирает — главное, чтобы результат был.

— А результат есть? — спросил немец, кивнув на стены канала.

— Есть, — ответил Фомин, подходя к ним. — Мы прошли. Значит, есть.

06:00. Сегозеро. Разговор на ходу.

Когда «Гордый» вышел из последнего шлюза и оказался в акватории Сегозера, Фомин разрешил прибавить ход до восьми узлов. Туман рассеялся, открыв серую гладь воды и низкие, скалистые берега, покрытые редким лесом.

Он стоял на мостике, пил остывший чай и смотрел на карту. Журавлёв, сменившийся с вахты, стоял рядом.

— Родион, — спросил Фомин, не оборачиваясь. — Как думаешь, зачем нас на Балтику послали? Реально зачем?

Журавлёв замялся.

— Ракеты немецкие, Макар Палыч. Вы слышали, что говорил Сталин.

— Не только, — Фомин отставил чашку. — Он мог послать туда авиацию. Мог дать задание подводникам. Он послал нас. Потому что мы — единственные, кто может выжить на Балтике. Но мы там ещё не воевали. А он знает, что мы не воевали. Значит... — он запнулся, подбирая слова.

— ...значит, он хочет от нас не подвига, — закончил Журавлёв. — Он хочет от нас смерти?

— Нет, — Фомин покачал головой. — Он хочет, чтобы мы научили их воевать. Своей смертью. Своей кровью. Показали пример.

Журавлёв помолчал.

— Дорогой способ обучения.

— Другого нет, — ответил Фомин.

09:00. Над Ладогой — «Юнкерс».

Переход через Ладожское озеро был самым опасным участком маршрута. Немцы контролировали почти всё побережье, и их авиация патрулировала водную гладь каждый день, охотясь за баржами с продовольствием для блокадного Ленинграда.

Алик, который всё ещё нёс вахту связиста (вопреки трагическому будущему, которое автор запланировал ранее), поднял руку в 09:15.

— Товарищ генерал-майор, воздух! Одиночный «Юнкерс» Ju-88. Высота три тысячи. Курс пересекающий. Через пять минут будет над нами.

— Засёк нас? — спросил Фомин.

— Не уверен. Он идёт без смены курса. Может, случайно.

— «Бури» к бою, — приказал Фомин. — Но не стрелять без команды. Пусть пройдёт.

«Юнкерс» прошёл в полукилометре от «Гордого», даже не довернув. Немецкий лётчик смотрел на воду, но в тумане принял угловатый силуэт корабля за баржу или плавучий кран. Не сбросил бомбы. Ушёл на запад.

— Пронесло, — выдохнул Кривошеин, который стоял у «Шторма».

— Не пронесло, — ответил Алик, вслушиваясь в эфир. — Он передал по радиации: «Вижу неопознанную цель на южном курсе. Предположительно — крупная баржа». Его запеленговали. Через час с аэродрома в Тихвине вылетят разведчики.

— Час — это много, — сказал Фомин. — Родион, прибавь до двенадцати узлов. Нам нужно уйти под прикрытие береговых батарей Кобоны.

— Но там мелко, Макар Палыч! Осадка не позволит.

— Позволит, — отрезал Фомин. — Мы пройдем там, где не ходят. Потому что у нас нет выбора.

11:00. Кобона. Береговые батареи.

«Гордый» подошёл к Кобоне — маленькой деревне на восточном берегу Ладоги, где держала оборону 48-я отдельная береговая батарея. Комендант — капитан-лейтенант Григорий Григорьевич Шаповалов, седой, с нашивкой за три ранения, вышел на пирс встречать «Гордого».

Корабль встал на якорь в двухстах метрах от берега — ближе нельзя, под килем песок.

— Товарищ генерал-майор, — Шаповалов козырнул, когда Фомин спустился в шлюпку и причалил к деревянному настилу. — Слыхали про вас. Северный флот гордится. А у нас тут не гордятся. У нас тут воюют.

— Я не горжусь, капитан-лейтенант, — ответил Фомин, пожимая ему руку. — Я делаю дело. У вас есть горючее? Нам нужно дозаправиться перед выходом в Неву.

— Есть, — Шаповалов кивнул. — Трофейное, немецкое, из сбитых «Юнкерсов». Смесь бензина с соляжкой, но ваши турбины, говорят, всё едят.

— Всё едят, — усмехнулся Фомин. — Спасибо.

— Не благодарите, — Шаповалов отвернулся. — Лучше скажите: правда, что вы из будущего?

Фомин посмотрел на него. На его выцветшие глаза, на седые виски, на орден Красной Звезды на засаленном кителе.

— Правда, — сказал он.

— И что там, в будущем? — спросил старый капитан-лейтенант. — Немцев победили?

— Победили, — ответил Фомин. — В сорок пятом.

— А Ленинград уцелел?

— Уцелел. Его назовут городом-героем. А вас, если выживете, наградят медалью «За оборону Ленинграда».

Шаповалов отвернулся, чтобы скрыть слёзы.

— Мне медаль не нужна, — сказал он хрипло. — Мне бы хлеба. И чтобы дети не умирали.

— С этим сложнее, — Фомин положил руку ему на плечо. — Но мы работаем.

13:00. Растенбург, Восточная Пруссия. Ставка «Вольфшанце».

Гитлер не спал уже вторые сутки. Дозатор вкалывал амфетамины каждые четыре часа, и к середине дня фюрер находился в состоянии нервного возбуждения, граничащего с безумием. Он стоял у карты Балтийского моря и водил по ней указкой, словно дирижёрской палочкой.

В бункере собрались: гросс-адмирал Дёниц, рейхсминистр Шпеер, генерал-полковник Йодль и невысокий, жилистый человек в форме капитана цур зее, с лицом, изрезанным шрамами от дуэли. Это был **фрегаттен-капитан Рольф Венде** — командир 6-й флотилии эсминцев, один из немногих немецких моряков, кто имел опыт охоты на советские корабли в шхерах.

— Венде, — Гитлер повернулся к нему. — Вы прочитали донесение о русском «корабле-призраке»?

— Так точно, мой фюрер, — голос Венде был тихим, вкрадчивым, как у человека, привыкшего говорить шёпотом даже в атаке. — Я изучил его тактику. Он силён в открытом море. Там у него есть пространство для манёвра. Его радары видят дальше наших. Его пушки бьют быстрее.

— А на Балтике? — спросил Дёниц.

— На Балтике у него будут проблемы, — Венде усмехнулся, сверкнув золотым зубом. — Там глубина — пятнадцать метров. Там берег — в двух кабельтовых. Там каждая мина, каждая скала, каждая рыбацкая сеть могут стать для него ловушкой. Я потоплю его. Дайте мне четыре миноносца и два торпедных катера.

— Да, — Гитлер кивнул. — И ещё. Я приказал передать вам новое оружие. Управляемые бомбы Hs 293. Они могут поражать корабли за горизонтом. Ваша задача — не только потопить «Гордый». Ваша задача — захватить его. Или хотя бы образцы его вооружения. Наши инженеры должны изучить его технологии.

Венде склонил голову.

— Мой фюрер, захват корабля в бою — почти невозможен. Он взорвёт себя, как делают русские.

— Тогда сделайте так, чтобы он не успел взорваться, — отрезал Гитлер. — Используйте газ. Или диверсантов. Или торпеды с акустическим наведением. Я не принимаю отговорок.

Венде выпрямился.

— Есть, мой фюрер. «Гордый» будет потоплен. Или захвачен. Или я погибну.

— Вы погибнете в любом случае, — холодно заметил Дёниц. — Вопрос в том, успеете ли вы выполнить приказ до своей смерти.

Венде не ответил. Он повернулся и вышел из бункера. Через час он уже был в Киркенесе, где готовились к переброске на Балтику его корабли.

16:00. Нева. Вход в блокадное горло.

«Гордый» вошёл в Неву в шестнадцать часов, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая воду в кроваво-красный цвет. Берега были изрыты воронками, на месте деревень — чёрные печи, торчащие из снега, как пальцы мертвецов.

Фомин стоял на мостике, глядя на Петропавловскую крепость, которая виднелась на горизонте серым силуэтом.

— Красивый город, — сказал он тихо.

— Был красивым, — ответил Морозов, стоявший рядом. — Теперь — город-призрак. Полмиллиона умерших с голоду. И ещё столько же — эвакуированных.

— Я знаю, — Фомин сжал поручни. — Я видел фильмы. Но видеть вживую — другое.

— Не отвлекайтесь, товарищ генерал-майор, — Морозов тронул его за локоть. — Впереди — Кронштадт. А там — война.

19:00. Кронштадт. Пирс № 7.

«Гордый» ошвартовался в Кронштадте, когда уже стемнело. Пирс № 7 оказался полуразрушенным — бомбёжки 1941 года не пощадил даже гранит. Навстречу вышли встречающие: контр-адмирал Дрозд, его начальник штаба и два офицера с портфелями.

Дрозд — невысокий, плотный, с квадратной челюстью и тяжёлым взглядом — посмотрел на «Гордого» без интереса.

— Фомин? — спросил он, когда командир спустился на пирс.

— Фомин, — ответил тот.

— Я надеялся увидеть линейный корабль. А вижу... не знаю, что. Катер? Сторожевик? У вас нет мачт. Как вы ловите радиопеленги?

— У нас есть «Купол-2», — ответил Фомин. — Он лучше мачт.

— «Купол-2», — Дрозд усмехнулся. — Слышал. Баловство. Вам не придётся здесь сидеть на радарах, Фомин. Вам придётся смотреть в перископ, как подводникам. Потому что каждый ваш сигнал — это ориентир для немецкой артиллерии. Они бьют по радиоизлучению с точностью до ста метров.

— Мы учтём, — Фомин не стал спорить.

— Учтёте, — Дрозд кивнул. — Завтра в восемь — совещание в штабе. Я введу вас в курс дела. А сейчас — располагайтесь. Ваш сектор — острова Сескар и Гогланд. Там сейчас немцы ставят акустические мины. Если ваша техника их видит — будьте добры, нарисуйте карту. Мои тральщики за месяц потеряли четыре единицы.

Дрозд козырнул и ушёл, не дожидаясь ответа.

Морозов сплюнул ему вслед.

— Хорош гусь.

— Не лезь, — осадил его Фомин. — Он прав. Мы здесь новички. Нам придётся доказать, что мы чего-то стоим.

— А если не докажем?

— Докажем, — ответил Фомин. — У нас нет другого пути.

Глава 3. «Балтийский прилив»

08:00. 4 апреля 1944 года. Кронштадт. Штаб Балтийского флота.

Штаб размещался в здании бывшего Морского собора — высокие своды, колонны из серого гранита, запах махорки и сырости. Вместо икон на стенах висели карты Балтийского моря, утыканные флажками. Вместо амвона — длинный стол, накрытый зелёным сукном, за которым сидели командиры соединений.

Фомин вошёл ровно в восемь, без опоздания, что Дрозд отметил коротким кивком. Морозов — за ним, с папкой данных по «Гордому». Остальные офицеры — балтийцы, с обветренными, жёсткими лицами — смотрели на «северного гостя» без интереса, как на случайного человека, который зашёл не в ту дверь.

— Товарищи, — Дрозд поднялся, постучал карандашом по стакану. — Перед вами генерал-майор Фомин, командир сторожевого корабля «Гордый». Он прибыл к нам с Северного флота по приказу Верховного. Его задача — обеспечить противовоздушную и противолодочную оборону в нашем секторе. А также, — он сделал паузу, — поделиться опытом.

— Опытом чего? — спросил капитан 1 ранга с нашивкой за ранение, сидевший слева. — Топить линкоры в открытом море? У нас линкоров нет. У нас есть мины, скалы и немецкие батареи на каждом мысу.

Фомин повернулся к нему.

— У вас есть немецкие управляемые ракеты, которые могут уничтожить любой корабль за горизонтом. Опыта борьбы с ними нет ни у кого. Ни у вас, ни у американцев, ни у англичан. Кроме меня.

В кабинете повисла тишина. Дрозд усмехнулся в усы.

— Продолжайте, Фомин.

— Я не буду учить вас воевать, — сказал Фомин, обводя взглядом присутствующих. — Вы воюете здесь три года. Я — три месяца. Но я знаю, как работает техника немцев, потому что видел её образцы. Я знаю, как их ракеты наводятся на цель — по радиокомандам с берега или с самолёта. И я знаю, как эти команды заглушить.

Он кивнул Морозову. Тот развернул на столе схему — грубую, начерченную от руки Кацем и Рудольфом.

— Это — принципиальная схема работы системы «Kehl-Strasbourg». Передатчик на самолёте, приёмник на ракете. Оператор видит цель и корректирует полёт джойстиком. Дальность — до восьми километров. Мы можем ставить помехи на частоте передачи. Наш «Купол-2» способен на это. Но для этого мы должны находиться в зоне действия радаров. То есть — рядом с целью.

— Предлагаете использовать «Гордый» как приманку? — спросил Дрозд.

— Предлагаю, — кивнул Фомин. — Мы входим в зону поражения, немцы запускают ракеты, мы глушим сигнал, ракеты падают в воду. А потом мы уходим. Быстро. Пока они не поняли, что случилось.

— А если не уйдёте? — спросил тот же капитан 1 ранга.

— Тогда вы напишете в донесении: «Экипаж «Гордого» погиб, выполняя боевую задачу», — жёстко ответил Фомин.

Дрозд посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Принимается. Ваш сектор — острова Сескар и Гогланд. Немцы там поставили акустические мины и, по данным агентуры, строят станцию наведения ракет. Задача: разведка боем. Выйти в море сегодня ночью. Вернуться — завтра к утру. Данные — мне лично.

— Есть, — Фомин козырнул.

11:00. Кронштадт. Пирс № 7. Встреча с балтийскими инженерами.

Пока «Гордый» заправляли и грузили боеприпасы (советские, 57-мм, которые Кац всё ещё переделывал под «Шторм»), к пирсу подошла группа людей в гражданском. Трое — старые, седые, с руками в мазуте. Двое — молодые, с умными глазами и блокнотами в руках.

— Инженеры нашего морского завода, — представил их Дрозд, который лично пришёл проверить готовность. — Хотят посмотреть на ваши чудеса.

Кац вышел на палубу, приглашая гостей на борт.

— Проходите, не стесняйтесь. Только руками не трогать.

Балтийские инженеры осматривали «Купол-2» с благоговением, смешанным с недоверием. Самый старший — с орденом Ленина на пиджаке, с густыми бровями, похожими на кусты — спросил:

— Это что, радиолокатор?

— Вычислительный комплекс, — ответил Кац. — Он обрабатывает сигналы от радаров, сонаров, систем связи. Считает быстрее, чем тысяча человек.

— А что за лампы? — инженер ткнул пальцем в один из блоков «Купола» (того, что поменьше, вспомогательного). — Я таких не видел.

— Это не лампы. Это микросхемы. Кремниевые пластины с транзисторами, — Кац запнулся, подбирая слова, понятные человеку 1944 года. — Представьте себе радиолампу, но в тысячу раз меньше. И в тысячу раз быстрее.

— И где вы это взяли? — инженер прищурился.

— Производство 2035 года, — не стал врать Кац. — Нас забросило сюда вместе с кораблём.

Балтийцы переглянулись. Старший хмыкнул.

— Значит, не врёт про будущее. А мы думали — сказки для поднятия духа.

— Не сказки, — ответил Фомин, спускаясь с мостика. — И поэтому мы здесь. Чтобы вы победили быстрее и с меньшими потерями.

— А вы не боитесь, что мы победим без вас? — спросил молодой инженер, тот, с блокнотом.

— Не боюсь, — усмехнулся Фомин. — Потому что вы победите. Я знаю. Вопрос только в цене.

14:00. «Гордый». Технические проблемы.

Рудольф, немецкий инженер, возился с системой охлаждения турбин. На Балтике вода была менее солёной, чем в Баренцевом море, и теплообменники работали неправильно — температура масла росла, не успевая остывать.

— Это проблема, — сказал он Фомину, когда тот заглянул в машинное отделение. — Ваши турбины рассчитаны на океанскую воду. В балтийской они перегреваются. Я могу снизить обороты, но тогда мы потеряем скорость.

— На сколько?

— На семь-восемь узлов. Будем идти не быстрее двадцати.

— Много, — Фомин нахмурился. — А если пустить в систему забортной воды больше?

— Тогда лопнут патрубки. Сделаны из сплава, которого у вас здесь нет. Я не смогу их заменить.

— Делайте что можете, — приказал Фомин. — Скорость нам понадобится.

Рудольф кивнул и вернулся к работе.

Фомин поднялся на палубу. Там Морозов проверял «Абаканы» — самодельные патроны, отлитые в Полярном, подходили к концу. Оставалось четвереста штук. На один бой.

— Глеб, — спросил Фомин, — сколько у нас боезапаса для рукопашной?

— Двести патронов на брата, — ответил Морозов. — Плюс немецкие трофейные — сто штук от МП-40, мы их переделали под наши стволы. И пять гранат.

— Мало.

— Война, Макар Палыч. Здесь всегда мало.

17:00. Ставка Гитлера. Растенбург. Разговор двух адмиралов.

Дёниц и Шпеер сидели в небольшой комнате для совещаний, подальше от бункера фюрера. Стол был заставлен чертежами и фотографиями — снимки «Гордого», сделанные норвежскими агентами в Полярном.

— Рольф Венде готов, — сказал Дёниц, разминая папиросу. (Гитлер запрещал курить в бункере, и Дёниц курил тайком, открывая форточку). — Его эскадра выходит из Мемеля завтра утром. Четыре миноносца: Т-23, Т-28, Т-33 и новейший Т-36 с усиленным зенитным вооружением. Плюс две торпедные баржи.

— Этого хватит, чтобы потопить один сторожевой корабль? — спросил Шпеер, не скрывая скепсиса.

— «Гордый» — не сторожевой корабль, — ответил Дёниц. — Он вооружён как крейсер. И его командир — Фомин — опасен. Я читал донесения о его действиях в Баренцевом море. Он не избегает боя. Он ищет бой.

— На Балтике ему негде искать бой, — заметил Шпеер. — Там узко.

— Вот поэтому Венде и уверен в победе, — Дёниц выпустил дым в форточку. — Но я не уверен. Фомин всегда находит нестандартное решение.

— Что вы предлагаете?

— Страховку, — Дёниц достал из папки ещё один документ. — Диверсанты из «Бранденбурга» будут ждать «Гордый» в Кронштадте. Если Венде не сможет потопить его в море, они попытаются захватить корабль в порту.

— Уже пытались, — напомнил Шпеер. — В Полярном. Все погибли.

— В Полярном была плохая подготовка, — отрезал Дёниц. — На этот раз всё серьёзнее. Диверсанты проникнут на корабль под видом советских инженеров. У них есть документы, форма, легенда. Они будут ждать сигнала. Когда «Гордый» выйдет в море — они захватят мостик.

Шпеер помолчал.

— Вы уверены, что это сработает?

— Нет, — честно ответил Дёниц. — Но это единственный шанс получить технологии будущего. А фюрер требует их любой ценой.

20:00. Кронштадт. Выход в море.

«Гордый» отошёл от пирса в двадцатом часу, когда стемнело и над заливом повис густой, липкий туман. Фомин не рискнул включать «Купол» — немцы могли запеленговать сигнал. Шли на малом ходу, с приглушёнными двигателями, ориентируясь по картам и показаниям магнитного компаса — старого, советского, который Журавлёв установил на мостике на случай отказа электроники.

Морозов стоял у трапа, проверяя оружие десантной группы. С ним — четверо: два «будущих» (Королёв и Швецов) и двое балтийцев, которых Дрозд выделил для усиления.

— Сескар и Гогланд, — повторил Морозов карту. — Немцы поставили там станцию наведения. Наша задача — подойти на дистанцию прямой видимости, засечь координаты станции и уйти. В бой не вступать. Если заметят — отходим под прикрытием дымовой завесы.

— А если заметят и нападут? — спросил один из балтийцев, молодой, с веснушками на лице.

— Тогда будем биться, — ответил Морозов. — Как всегда.

21:30. Район острова Сескар. Засекли!

«Гордый» подошёл к Сескару, когда часы показывали половину десятого. Остров был низким, скалистым, с редкими соснами, прижатыми ветром к земле. На восточной оконечности горел огонь — костёр или сигнальный фонарь.

— Вижу строения, — доложил наблюдатель с «Купола» (включили на десять секунд, только чтобы зафиксировать). — Два ангара, вышка, радиомачта. Похоже на станцию наведения.

— Есть корабли? — спросил Фомин.

— Ничего. Только катер у причала. Малый, моторный.

— Десант — к бою, — приказал Фомин. — Морозов, берёшь языка. Приводи.

21:45. Высадка на Сескар.

Морозов спустился в шлюпку первым. С ним — Королёв, Швецов и двое балтийцев. Весла обмотаны тряпками, мотор выключен. Гребли молча, почти без плеска, держась тени скал.

Шлюпка причалила к каменистому берегу в сотне метров от причала. Морозов выпрыгнул первым, автомат на изготовку.

— Вперёд.

Немецкий часовой стоял у входа в ангар, курил, зябко кутаясь в шинель. Морозов подошёл сзади бесшумно, как тень. Удар рукояткой ножа по голове — и часовой обмяк.

— Вяжите. К шлюпкам.

Королёв и Швецов прошли внутрь ангара. Там — пусто. Только ящики с аппаратурой, катушки кабеля, два мотоцикла с колясками. И стул, на котором сидел немецкий офицер в наушниках — связист, который слушал эфир.

Офицер обернулся, увидел русских, потянулся к пистолету. Королёв выстрелил первым — короткой очередью в грудь.

— Зачем ты его? — прошипел Морозов. — Язык нужен был!

— Не успел, — ответил Королёв, опуская автомат. — Он бы нас застрелил.

— Чёрт с тобой. Обыщите ящики. Всё, что можно унести — на шлюпки.

22:00. Отход.

Морозов вернулся на «Гордый» с трофеями — ящиками радиодеталей, схемами на немецком языке, фотографиями станции. И пленным — часовым, которого привели в чувство и заткнули кляпом.

— Рация у них была, — доложил Морозов. — Связь с материком. Они успели передать «Тревога»? Не знаю. Может, да. Может, нет.

— Уходим, — приказал Фомин. — Полный назад.

22:10. Атака из тумана.

«Гордый» отошёл от Сескара на две мили, когда Алик, слушавший эфир, поднял руку.

— Товарищ генерал-майор, немцы засекли нас. По флотской сети передают: «Призрак у острова. Всем кораблям — перехват».

— Скорость — двадцать пять узлов! — скомандовал Фомин. — Рудольф, турбины на предел!

Немецкий инженер, стоявший у пульта управления двигателями, выкрутил рукоятки на максимум.

— Двадцать три узла, — доложил он. — Выше не дают. Перегрев.

— Хватит и двадцати трёх, — ответил Фомин.

Из тумана вынырнули две тени — торпедные катера типа S-100, быстрые, манёвренные, с четырьмя торпедными аппаратами на каждом.

— Торпеды! По левому борту!

— «Бури» — огонь!

30-мм спаренные ударили очередями по воде. Две торпеды взорвались, подняв столбы воды. Третья прошла за кормой. Четвёртая — в борт.

Попадания не было. Катера, поняв, что торпеды не достали цель, развернулись и ушли в туман, поставив дымовую завесу.

— Не преследовать, — приказал Фомин. — Курс на Кронштадт. Живём, ребята.

01:00. 5 апреля. Кронштадт. Пирс № 7.

«Гордый» ошвартовался глубоко за полночь. Дрозд ждал на пирсе, курил, хмурый.

— Докладывайте, — сказал он, когда Фомин спустился на гранит.

— Обнаружили станцию наведения на острове Сескар. Два ангара, радиомачта, аппаратура. Уничтожили связиста, взяли документы и пленного. При отходе — бой с двумя торпедными катерами. Повреждений нет.

Дрозд взял папку с трофейными документами, пролистал.

— Это не станция наведения ракет, — сказал он после паузы. — Это станция радиоперехвата. Они слушали наши шифровки. Расшифровывали. Судя по документам — успешно.

Фомин похолодел.

— Значит, они знали о нашем приходе?

— Знали, — Дрозд кивнул. — И готовились.

Он посмотрел на «Гордого», на его заплатанный борт, на людей, которые устало спускались по трапу.

— Фомин, — сказал адмирал. — У вас в экипаже есть шпион. Немецкий агент. Иначе они не могли бы так быстро реагировать на ваш выход.

— Враньё, — отрезал Фомин.

— Проверьте, — посоветовал Дрозд. — Я даю вам на это сутки. Если не найдёте — я буду искать сам. И тогда ваш корабль встанет на прикол до конца войны.

Он повернулся и ушёл в темноту.

Фомин остался на пирсе один.

Он смотрел на воду, на чёрную маслянистую гладь, на отражения редких огней. Где-то там, в тумане, ждали немецкие катера. Где-то здесь, на пирсе, ждали предатели.

— Шпион, — прошептал он. — Этого нам ещё не хватало.

Глава 4. «Агент «Альфа» возвращается»

06:00. 5 апреля 1944 года. Кронштадт. Пирс № 7. Каюта Фомина.

Фомин не спал всю ночь. Сидел за столом, перечитывая донесения Дрозда, личная дела экипажа — свои, из будущего, и советские, которые прилагались к приказу о переводе на Балтику. Двадцать семь человек. Каждый проверен. Каждый прошёл через бой. И каждый мог быть предателем.

— Не может быть, — сказал он вслух, откладывая папку.

В дверь постучали. Вошёл Морозов — бледный, с синими кругами под глазами, но без костыля (рана наконец зажила).

— Дрозд звонил с берега. Настаивает на проверке. Говорит, если откажемся — завтра же прийдёт свою комиссию. Особый отдел. С полномочиями арестовывать.

— Пусть присылает, — отрезал Фомин. — У нас нет шпионов. Я ручаюсь за каждого.

— А за балтийцев, которых нам придали? Тоже ручаетесь?

Фомин замолчал. Пятеро — молодые, с Балтийского флота, отличные бойцы, но чужие. Их включили в экипаж перед самым выходом из Полярного, по приказу Головки. «Для усиления и передачи опыта».

— Кто они? — спросил Фомин. — Я их личные дела не читал. Времени не было.

— Четыре матроса и один старшина, — Морозов достал из кармана сложенный листок. — Старшина — Григорий Ковалёв, тридцать два года, служил на эсминце «Стойкий», два ранения, орден Красной Звезды. Матросы: Иван Бережной, двадцать лет, из-под Пскова, оккупацию пережил; Павел Шульц, — Морозов запнулся, — немецкая фамилия, родился в Поволжье, из немцев-колонистов. Фёдор Саенко, девятнадцать лет, доброволец. И Константин Лучников, двадцать пять, бывший политрук, разжалован за пьянство.

— Шульц? — Фомин нахмурился. — Немец?

— Российский немец. Родители работали на заводе в Энгельсе. В сорок первом отца забрали в трудовую армию, мать умерла с голоду. Павел пошёл на флот добровольцем. Характеристики — хорошие. Но фамилия...

— Фамилия не повод, — отрезал Фомин. — У нас в экипаже в будущем служили люди любой национальности. Чеченцы, татары, евреи. Русские. Все воюют одинаково.

— Значит, проверять не будем?

— Будем, — Фомин встал. — Но не так, как хочет Дрозд. А по-своему.

08:00. Кронштадт. Штаб флота. Кабинет Дрозда.

Кабинет контр-адмирала был спартанским — стол, два стула, карта на стене, портрет Сталина в углу. Пахло махоркой, кожей и чем-то кислым — солдатскими щами, которые носили из столовой прямо в штаб.

— Фомин, вы издеваетесь? — Дрозд не вставал, даже не предложил сесть. — Я даю вам факт: перехват в эфире. Некто передаёт немцам координаты вашего корабля. И вы говорите — «проверим по-своему»? А как по-вашему? Допросами? пытками? У вас на это нет полномочий!

— У меня есть другое, — Фомин положил на стол листок с планом. — Вы устройте нам выход в море завтра в двадцать два ноль-ноль. Якобы на разведку Гогланда. Координаты — фиктивные. Мы никуда не пойдём. Будем ждать в двух милях от порта, с заглушёнными турбинами. Если шпион передаст немцам — «Купол» запеленгует передатчик. Мы узнаем, кто он.

— А если не передаст?

— Значит, шпион не в экипаже. Ищем дальше.

Дрозд взял план, прочитал. Помолчал.

— Хитро, — сказал он наконец. — Обманный манёвр. Рискованный. Немцы могут поверить и атаковать. А вас в море не будет — только дежурные катера. Мои люди погибнут.

— Поэтому вы выставите в том районе не катера, а ложные цели — плавучие макеты, бочки с отражателями. Немцы примут их за корабли и атакуют. А мы засечём их самолёты и пеленг предателя.

Дрозд встал, прошёлся по кабинету.

— Фомин, вы авантюрист. Вы предлагаете мне рисковать флотским имуществом, чтобы вычислить одного шпиона.

— Не одного, — ответил Фомин. — Целую сеть. Передатчик в Кронштадте — не может работать в одиночку. Ему нужен связной, нужны явки, нужно электричество. Мы запеленгуем сигнал, найдём дом — и возьмём всех.

— И кто будет брать?

— Мои люди. И ваши. Совместно.

Дрозд остановился у карты. Долго смотрел на неё, потом кивнул.

— Добро. Делаем. Но если не выйдет — вы отвечаете. Лично.

— Выходит, — сказал Фомин. — У меня есть опыт.

12:00. Кронштадт. Пирс № 7. Встреча с «Альфой».

К пирсу подъехала чёрная «эмка». Из неё вышли двое — молодой лейтенант в форме НКВД и худой, невзрачный человек в штатском. Фомин узнал его сразу. Тот самый «Альфа», которого он вывозил из Норвегии полгода назад. Только теперь он был не в норвежском свитере, а в советском костюме-тройке, с портфелем в руке.

— Товарищ генерал-майор, — «Альфа» козырнул (неловко, отвык). — Прибыл для координации.

— Проходите на борт, — Фомин кивнул на трап. — В кают-компаниии поговорим.

В кают-компаниии «Гордого» собрались: Фомин, Морозов, Алик и «Альфа». Лишних не было.

— Ваши документы, — начал «Альфа», раскрывая портфель. — Мне приказано передать их лично в руки. И доложить обстановку.

Он выложил на стол фотографии, схемы, распечатки радиоперехватов.

— Немцы знают о вашем прибытии на Балтику. Им сообщили из Кронштадта. Передатчик — мощный, коротковолновый. Сигнал идёт прямо в Пиллау, на приёмный центр адмирала Дёница. Позывной передатчика — «Феникс». Работает два раза в день: в ноль-ноль и в полдень.

— Кто передаёт? — спросил Фомин.

— Не знаем. Но знаем, где находится передатчик. — «Альфа» достал карту Кронштадта, обвёл красным кружком район. — Здесь. Улица Красных Зорь, дом двенадцать. Частный дом. Живёт там одна женщина — вдова моряка. Предположительно — агент.

— Предположительно?

— Данные старой агентуры. Мы проверяли её три месяца назад — ничего не нашли. Но после вашего прихода сигнал активизировался.

— Женщина, — Морозов усмехнулся. — Умно. Кому придёт в голову искать шпиона в доме вдовы?

— Проверим, — Фомин взял карту. — Сегодня ночью. Но без шума. «Альфа», вы пойдёте с нами. Вы знаете местность.

— Пойду, — кивнул разведчик.

22:00. Кронштадт. Улица Красных Зорь, дом 12. Ночь.

Фомин стоял в подворотне, прижавшись спиной к холодной кирпичной стене. Рядом — Морозов, «Альфа» и четверо матросов. В руках — автоматы с глушителями.

Дом был старым, двухэтажным, с облупившейся штукатуркой и заколоченными окнами первого этажа. На втором горел свет — жёлтый, слабый, керосиновый или от свечи.

— Окна второго этажа выходят на улицу, — шепнул «Альфа». — Из них виден порт. Идеальное место для наблюдения.

— Есть чёрный ход? — спросил Морозов.

— Через двор. Выход к сараям. Там старая дверь, забита досками. Но я видел — изнутри она открывается.

— Королёв, — Фомин кивнул здоровенному матросу. — Дверь выбиваешь. Первым идёшь. Мы — за тобой.

Королёв кивнул, передёрнул затвор.

22:10. Внутри.

Дверь поддалась со второго удара — Королёв высадил её плечом, влетел внутрь, автомат на изготовку. Фомин — следом, за ним — остальные.

Внутри пахло капустой, махоркой и чем-то сладковатым — ладаном или сушёными травами. Половицы скрипели. Стены были увешаны иконами — дешёвыми, лубочными, в дешёвых рамках.

— Стоять! — крикнул Королёв, врываясь в комнату на втором этаже.

У стола сидела женщина лет пятидесяти, в чёрном платке, с радиопередатчиком перед собой. В наушниках. На столе — лист бумаги с шифровкой.

Она не испугалась. Не вскрикнула. Посмотрела на автоматы усталыми, безразличными глазами. Потом сняла наушники и сказала спокойно:

— Ну, нашли. А я думала, вы быстрее.

— Кто вы? — спросил Фомин, подходя ближе.

— Вдова, — ответила она. — Моряка. Он погиб на «Маруте» в сорок первом. Я осталась одна. Немцы пообещали, что вернут мне тело, если буду работать на них. Я передавала координаты кораблей. Три года.

— Три года, — повторил Фомин. — И вы не боялись?

— А чего бояться? — женщина усмехнулась. — Жизни у меня всё равно нет. Детей не родила. Муж на дне. Дом разваливается. Немцы мне ничего не дали, кстати. Врали. А я верила, потому что верить больше не во что.

— Связные у вас есть? — спросил «Альфа».

— Нет, — ответила женщина. — Я работала одна. Сама шифровала. Сама передавала. Ключи дали один раз, на полгода.

Фомин посмотрел на Морозова. Тот покачал головой — не верит.

— Обыщите дом, — приказал Фомин. — И её обыщите.

Обыск ничего не дал. Ни оружия, ни яда, ни запасных ключей. Только передатчик, старый, английский, ещё времён гражданской войны. И пачку писем — неотправленных, к мужу, который уже три года как мёртв.

— Что с ней делать? — спросил Морозов.

— Передать НКВД, — ответил Фомин. — Не нам судить. Она — не наш враг. Она — жертва.

— Жертва, которая отправила на дно два корабля, — напомнил «Альфа».

— Жертва, которая не убивала своими руками, — отрезал Фомин. — Уведите.

00:00. 6 апреля. Кронштадт. Пирс № 7. Возвращение.

Фомин вернулся на корабль в полночь. Женщину увезли на «эмке» офицеры НКВД — она не сопротивлялась, даже помогла нести свой передатчик. На прощание сказала: «Вы, товарищ генерал, из будущего? Муж говорил, что после войны будет рай. Мне уже не увидеть. Но вам — спасибо, что пришли».

Фомин не ответил. Стоял на пирсе, глядя ей вслед, и молчал долго, пока Морозов не тронул его за плечо.

— Товарищ генерал-майор, на корабль. Холодно.

— Какая война, Глеб, — сказал Фомин, не оборачиваясь. — Ломает людей. Одних — убивает. Других — превращает в шпионов. Третьих — в палачей. А нас?

— Нас — в могильщиков, — ответил Морозов. — Мы хороним всех. И убитых, и предателей, и себя понемногу.

Фомин повернулся, пошёл к трапу.

— Завтра — выход в море. Ложная тревога для «Феникса». Готовь экипаж.

— Есть.

02:00. Штаб Балтийского флота. Дрозд не спит.

Дрозд читал рапорт Фомина о задержании шпионки. Читал медленно, перечитывая каждое слово. Потом отложил бумагу, закурил.

— Вдова, — сказал он начальнику штаба. — Три года работала на немцев. А мы мимо ходили, не замечали.

— Война, товарищ контр-адмирал, — ответил штабист. — Всех не проверишь.

— Теперь проверим, — Дрозд потушил папиросу. — Приказ по флоту: перепись всех жителей Кронштадта. Дом за домом. Ступенька за ступенькой. Кто не может подтвердить личность — арест.

— Но это же тысячи людей!

— Не тысячи, — Дрозд усмехнулся. — Сотни. А на кону — наш флот.

Он взял чистый лист, начал писать приказ.

04:00. Пиллау. Штаб группы ВМФ «Балтика». Фрегаттен-капитан Венде.

Венде стоял у карты, глядя на точки — свои и чужие. Четыре миноносца в полной готовности, два торпедных катера на позициях. И «Гордый» — красный кружок, который нанесли на карту по данным «Феникса» (последняя передача — позавчера, больше передатчик молчал).

— «Феникс» не выходит на связь, — доложил связист.

— Потеряли, — спокойно сказал Венде. — Значит, русские его нашли. Всё равно. Мы и так знаем, где стоит «Гордый». В Кронштадте. На пирсе № 7. Он не уйдёт.

— Приказ атаковать порт?

— Нет, — Венде покачал головой. — Порт укреплен. Мы потеряем корабли. Будем ждать, пока он выйдет в море. И тогда...

Он провёл пальцем по горлу.

— Фюрер сказал — захватить. Я сказал — потоплю. Захват — это для диверсантов. А для меня — вода и сталь.

Он повернулся к карте и начал рисовать новую схему боя — на этот раз в шхерах, где «Гордый» не сможет развернуться.

Глава 5. «Стальной кулак из Пиллау»

14:00. 6 апреля 1944 года. Кронштадт. Пирс № 7. Перед выходом.

Ложный план, который Фомин предложил Дрозду, провалился ещё до начала. После ареста вдовы-шпионки «Феникс» замолчал — никто не передавал координаты, никто не выходил в эфир. Ждать, что предатель объявится снова, не имело смысла. Немцы поняли, что их агент раскрыт.

— Теперь они будут действовать вслепую, — сказал Фомин на совещании в кают-компании. — А вслепую они опаснее. Потому что не знают, где мы, и будут бить по площадям.

— Значит, наш план отменяется? — спросил Морозов.

— Нет, — Фомин развернул карту. — Мы всё равно выходим. Но не для ловли шпиона. А для разведки. Немцы базируются в Пиллау. У них там четыре миноносца, два торпедных катера и, по данным «Альфы», транспорт, который везёт новые ракеты. Мы должны найти этот транспорт.

— Зачем? — спросил Кац. — Потопить?

— Захватить, — ответил Фомин. — Мне нужны образцы. И документы. Чтобы понять, как эти ракеты наводятся на цель.

— Вы с ума сошли, — Кац побледнел. — Абордаж немецкого транспорта вблизи Пиллау? Это самоубийство.

— Возможно, — согласился Фомин. — Но мы, Семён Ильич, не привыкли к лёгким путям.

18:00. Выход в море.

«Гордый» отошёл от пирса, когда уже стемнело. Туман снова стелился над водой — обычное дело для Балтики в апреле. Дрозд выделил два торпедных катера для прикрытия — старые, но быстрые, с экипажами из добровольцев.

— Курс — на юго-запад, — приказал Фомин. — Скорость двадцать узлов. К Пиллау подойдём к полуночи.

Алик, сидевший в наушниках, поднял руку.

— Товарищ генерал-майор, перехват. Немецкое судно «Вильгельм Густлофф» — не пассажирское, а транспортное — вышло из Мемеля, идёт в Пиллау. На борту — военный груз. Охраны нет, только зенитные пулемёты.

— Откуда данные? — спросил Фомин.

— Наши агенты в Мемеле. Передали через «Альфу».

— План меняется, — Фомин подошёл к карте. — Перехватываем «Вильгельм Густлофф» в море, между Мемелем и Пиллау. Там шхеры — узко, но транспорт не сможет маневрировать. А мы сможем.

— А если он под охраной эсминцев? — спросил Журавлёв.

— Судя по перехвату — нет. Немцы расслабились. Думают, что русские корабли не ходят так далеко от Кронштадта.

— Они правы, — заметил Морозов. — Не ходят. Потому что это опасно.

— Сегодня — пойдут, — усмехнулся Фомин.

22:30. Шхеры. Перехват.

«Гордый» замер за скалистым островком, прижавшись к берегу. «Купол-2» работал в пассивном режиме, фиксируя движение на воде. Алик сжимал наушники, ловя шум винтов.

— Слышу, — сказал он через десять минут. — Транспорт. Один. Винты низкооборотные, идёт экономичным ходом. Скорость — десять узлов.

— Дистанция?

— Три мили.

— Ждём. Пусть подойдёт ближе.

Транспорт показался из-за мыса через полчаса — тёмный силуэт на фоне серого неба, грузный, неуклюжий, с двумя мачтами и единственной трубой. На палубе — ящики, накрытые брезентом, и зенитная установка — спаренный 20-мм автомат.

— Корма и нос — по четыре пулемёта, — доложил наблюдатель. — Экипаж — человек тридцать.

— Морозов, — Фомин повернулся к старпому. — Берёшь двенадцать человек. Заходите с кормы, там нет пулемётов. Без шума. Без стрельбы. Если можно — ножами.

— А если нельзя? — спросил Морозов.

— Тогда стреляйте, — ответил Фомин. — Но тихо. Глушители есть.

23:00. Абордаж.

Морозов спустился в шлюпку первым. С ним — Королёв, Швецов, балтийцы Ковалёв, Бережной, Саенко и ещё пятеро. Вёсла обмотаны тряпками, мотор выключен. Гребли к корме транспорта, держась тени, которую отбрасывали скалы.

Поднялись на борт бесшумно — по штормтрапу, который свесили с кормы немецкие матросы (для своих). Часовой у пулемёта курил, отвернувшись к борту. Королёв подошёл сзади, зажал ему рот ладонью, полоснул ножом по горлу.

— Первый, — прошептал он.

Морозов кивнул. Повёл группу к надстройке.

Внутри — тишина. Команда спала — война есть война, но устав есть устав, и вахту несли только трое: рулевой, механик и радист. Морозов взял на себя радиста. Королёв — рулевого. Швецов — механика.

Трое убитых — без крика, без шума.

— Экипаж заперт в кубрике, — доложил Ковалёв через пять минут. — Дверь подпёрли шваброй.

— Хорошо, — Морозов вытер нож о брезент. — Осмотреть груз.

Ящики в трюме — деревянные, с маркировкой на немецком: «Ns 293. Осторожно. Взрывоопасно».

— Ракеты, — сказал Кац, который спустился на транспорт следом за десантом. — Те самые. Управляемые.

— Сколько их? — спросил Морозов.

— Двадцать штук. Плюс аппаратура наведения.

— Берём всё, — приказал Фомин по радиации, слушавший с «Гордого». — Контейнеры с ракетами — на наш борт. Аппаратуру — отдельно. Документы — из капитанской рубки.

— А транспорт? — спросил Морозов.

— Потопить. Когда уйдём.

01:00. 7 апреля. Возвращение.

«Гордый» отошёл от тонущего транспорта, когда часы показывали час ночи. «Вильгельм Густлофф» (транспортный, не путать с пассажирским лайнером) кренился на левый борт, медленно погружаясь в воду. Экипаж — двадцать семь человек — плавал среди обломков, хватаясь за спасательные круги.

— Почему не стреляем? — спросил Морозов.

— Не будем добивать, — ответил Фомин. — Пусть спасаются. Война есть война, но и люди — люди.

— Немцы не стали бы спасать нас.

— Я не немец, — отрезал Фомин. — Курс на Кронштадт.

05:00. Кронштадт. Пирс № 7. Трофей.

Двадцать ракет Ns 293 выгрузили на пирс под охраной взводом морской пехоты. Кац и Рудольф, забыв о сне, вскрыли один контейнер и принялись изучать содержимое.

— Гениально, — прошептал Рудольф, рассматривая взрыватель. — Магнитный неконтактный. Реагирует на изменение магнитного поля при приближении к стальному корпусу.

— То есть, если ракета пролетит мимо, но близко — она всё равно взорвётся? — спросил Кац.

— Да. Достаточно пройти в двадцати метрах. Магнитное поле корабля вызовет подрыв. Фомин, стоявший рядом, нахмурился.

— Чем это опасно для нас?

— Ваш корабль, — Рудольф повернулся к нему, — долго стоял в арктических водах. Холодное море, постоянные штормы — корпус намагнитился. Сильно. Может, даже сильнее, чем у обычных кораблей. Если немецкие Hs 293 будут наводиться на магнитное поле — «Гордый» для них как маяк.

— Как снять намагничивание? — спросил Фомин.

— Размагничивание, — Рудольф усмехнулся. — В моей стране, в Германии, для этого есть специальные стенды. А у вас?

— У нас есть Кац, — ответил Фомин. — Семён Ильич, сделаете?

Кац потёр подбородок.

— Сделаю, — сказал он. — Есть у меня одна идея. Старый метод — обмотка корпуса кабелем и пропускание тока. Рискованно — можно спалить всю электронику на корабле. Но если отключить «Купол» и питание... может, сработает.

— Делайте, — приказал Фомин. — У нас есть время до следующего выхода?

— Сутки.

— Занимайтесь.

10:00. Растенбург, Восточная Пруссия. Ставка «Вольфшанце».

— «Вильгельм Густлофф» потоплен, — доложил Дёниц, стоя перед Гитлером. — Транспорт с двадцатью ракетами Hs 293 захвачен русским кораблём-призраком.

Гитлер молчал. Его руки тряслись — утро началось с удара, и дозаторщик уже вколол двойную дозу амфетамина. Фюрер сидел за столом, сжимая карандаш с такой силой, что графит треснул.

— Захвачен, — повторил он. — Русские получили наше секретное оружие. Теперь они будут знать, как оно работает. И смогут защищаться.

— Или скопируют, — добавил Шпеер, стоявший в углу.

— Молчать! — Гитлер вскочил. — Как это могло случиться? Почему транспорт шёл без охраны?

— Командир порта в Мемеле, — Дёниц не отвёл взгляд, — решил, что русские не рискнут выходить так далеко от Кронштадта. Он ошибся.

— Ошибся? — Гитлер засмеялся — нервно, истерично. — За такие ошибки расстреливают.

— Уже, — кивнул Дёниц. — По моему приказу.

Гитлер сел, вытер пот со лба.

— Венде, — сказал он. — Где Венде?

— Его корабли уже в море, мой фюрер, — ответил Дёниц. — Он атакует «Гордый» в течение сорока восьми часов.

— Пусть атакует, — Гитлер взял новый карандаш. — И пусть победит. Или пусть не возвращается.

Он сломал карандаш пополам.

14:00. Кронштадт. Размагничивание.

Кац и Рудольф обматывали корпус «Гордого» толстенным кабелем, который притащили с береговой батареи. Работали водолазы — в ледяной воде, согреваясь спиртом каждые двадцать минут.

— Ток подадим от береговой электростанции, — объяснял Кац Фомину. — Пятьсот ампер. Корпус станет нейтральным. Но есть риск — если перегреется сталь, могут лопнуть сварные швы.

— Лопнут? — переспросил Фомин.

— Могут. Теоретически.

— Теоретически мы все можем умереть в следующем бою, — ответил Фомин. — Включайте.

Размагничивание длилось два часа. Корпус гудел, свет в рубке мигал, «Купол-2» был отключён — Кац боялся, что наводки сожгут микросхемы. Рудольф стоял у пульта магнитного поля с немецким прибором, который сам же и принёс.

— Снижается, — докладывал он каждые десять минут. — Сорок процентов... тридцать... двадцать... десять... ноль. Есть!

— Швы? — спросил Кац.

Водолазы спустились под воду, осмотрели корпус.

— Целые, — доложил старший. — Ни трещин, ни расхождений.

— Повезло, — выдохнул Кац.

— Не повезло, — ответил Фомин. — Мы сами делаем свою удачу.

19:00. «Гордый». Кают-компания. Ужин.

После размагничивания и выгрузки трофеев экипаж собрался на ужин. На столе — гречка с тушёнкой, компот из сухофруктов и трофейный шоколад, который нашли в ящиках с «Вильгельма Густлоффа».

Морозов поднял кружку:

— За лёгкую победу. Без потерь.

— Без потерь, — повторили матросы.

Фомин не пил. Сидел, смотрел на карту.

— Товарищ генерал-майор, — спросил Ковалёв, старшина-балтиец. — А вы верите, что мы выиграем эту войну? Не вообще, а здесь, на Балтике?

— Верю, — ответил Фомин. — Потому что мы умнее. И быстрее. И потому что у нас есть цель.

— Какая цель? — спросил молодой Саенко.

— Вернуться домой, — Фомин усмехнулся. — В сорок пятый год. И увидеть Победу.

22:00. Шхеры. Венде выходит на охоту.

Четыре миноносца — Т-23, Т-28, Т-33 и Т-36 — вышли из Пиллау в десятом часу вечера, когда луна скрылась за тучами и на море опустилась непроглядная тьма. Венде стоял на мостике флагмана — Т-36, сжимая поручни и вглядываясь в горизонт.

— Русский корабль вернулся в Кронштадт, — доложил штурман. — Радиоперехват подтверждает.

— Значит, будем ждать, — ответил Венде. — Он выйдет снова. Скоро. Фомин не любит сидеть на месте.

— А если выйдет не один? С эскортом?

— Тогда мы примем бой с эскортом, — усмехнулся Венде. — А «Гордого» добьём потом. Он повернулся к карте.

— Поставить мины на выходе из Кронштадта. Новые, акустические. Если «Гордый» выйдет — мы услышим его раньше, чем он нас увидит.

— А если он не выйдет?

— Выйдет, — повторил Венде. — Я чувствую. Этот русский — игрок. Он не может не играть.

Глава 6. «Магнитная ловушка»

08:00. 7 апреля 1944 года. Кронштадт. Штаб Балтийского флота. Кабинет Дрозда.

Дрозд не приглашал — вызывал. Через дежурного, через адъютанта, с пометкой «Срочно. Лично». Фомин, не успевший переодеться после ночного размагничивания, вошёл в кабинет в промасленном кителе, с красными от недосыпа глазами.

— Закройте дверь, — приказал Дрозд. Он стоял у окна, спиной к Фомину. Не оборачивался.

Фомин закрыл.

— Вы знаете, что натворили, Фомин? — голос контр-адмирала был тихим, но в этой тишине чувствовалась такая ярость, что Фомин невольно напрягся.

— Захватил транспорт с немецкими ракетами. Это приказ Верховного — добывать образцы.

— Не приказ Верховного, — Дрозд резко повернулся. — Это был мой приказ — не выходить за пределы зоны ПВО Кронштадта. Вы нарушили его. Вы увели корабль в шхеры, где мы вас даже прикрыть не могли. Вы рисковали не только собой, но и секретным вооружением, которое доверил вам Сталин.

— А я сберёг это вооружение, — Фомин не отвёл взгляд. — И привёз трофеи, которые помогут выиграть войну.

— Вы привезли двадцать немецких ракет, — Дрозд усмехнулся. — Через неделю немцы привезут сюда двадцать бомб, и ваш «Гордый» будет гореть у пирса. Потому что они узнали, что вы умеете воровать. И они будут мстить.

— Пусть мстят, — ответил Фомин. — Мы готовы.

— Вы готовы, — Дрозд подошёл к столу, достал папку. — А вот они — нет. У меня есть данные агентуры: Венде вышел в море. Он ставит акустические мины на фарватере. Сегодня ночью наши тральщики подорвались на двух. Четыре человека погибли.

Фомин молчал. Четыре человека — не его экипаж, но всё равно больно.

— Я даю вам новое задание, — Дрозд раскрыл папку. — Конвой Р-7. Два транспорта с продовольствием для Ленинграда. Выход сегодня в двадцать ноль-ноль. Маршрут — Кронштадт — Осиновец, вдоль северного берега. «Гордый» идёт головным. Ваша задача — провести конвой через минные поля. Используйте вашу технику. Если не сможете — я найду, кем заменить.

— Заменить нечем, — ответил Фомин. — Выполню.

Дрозд посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Свободны.

12:00. «Гордый». Кают-компания. Подготовка к выходу.

Кац и Рудольф колдовали над новой системой — подавителем акустических мин. На столе лежали схемы, вычерченные от руки, детали от немецких взрывателей, куски проводов и маленький динамик от трофейной рации.

— Мина реагирует на частоту вращения винтов, — объяснял Рудольф, показывая на осциллограф (старый, советский, который Кац приспособил под свои нужды). — Ваши турбины дают спектр от двадцати до двухсот герц. Мина настроена на сто двадцать. Если мы создадим на этой частоте мощный акустический импульс — мина сработает до того, как корабль подойдёт на опасную дистанцию.

— То есть, мы будем подрывать мины перед собой? — уточнил Фомин.

— Да. Как тральщики, только не механически, а акустически.

— А если мина не одна? Если они выставлены с разбросом частот?

— Тогда мы будем менять частоту импульса, — Кац потёр подбородок. — «Купол-2» может анализировать спектр отражённого сигнала. Если мы увидим мину — мы подстроимся.

— Сколько времени займёт настройка?

— Час. Может, два.

— У нас есть час, — Фомин посмотрел на часы. — Конвой выходит в двадцать ноль-ноль.

16:00. Кронштадт. Пирс № 7. Погрузка.

Два транспорта — «Выборг» и «Ладога» — стояли у соседних пирсов, принимая груз. Ящики с мукой, сахаром, тушёнкой, медикаментами. Всё, что могло спасти ленинградцев от голода.

Морозов стоял на пирсе, проверяя списки экипажей транспортных. К нему подошёл капитан «Выборга» — седой, с нашивкой за ранение, с усталыми глазами.

— Слышал, вы из будущего, — сказал капитан.

— Слышали правильно, — ответил Морозов.

— И что там, в будущем? Ленинград стоит?

— Стоит. И называется — Санкт-Петербург.

Капитан усмехнулся.

— Санкт-Петербург... Как при царе. Значит, большевиков не будет?

— Будут, — Морозов не стал вдаваться в детали. — Но город переименуют. После войны.

— После войны, — капитан вздохнул. — Дожить бы.

Он повернулся и ушёл на свой транспорт.

20:00. Выход в море.

Конвой вышел из Кронштадта, когда солнце уже село и на воду опустились сумерки. «Гордый» — в голове, за ним — «Выборг» и «Ладога», замыкает старый эсминец «Стойкий» (капитан 3 ранга Громов, седой, с деревянной ногой — потерял на mine в сорок первом).

Фомин стоял на мостике, вглядываясь в туман.

— «Купол» — активный режим, — приказал он. — Ищем мины. Кац, акустический подаватель — готов?

— Готов, — ответил Кац из машинного отделения. — Выдаю импульс на ста двадцати герцах.

— Ждём.

Конвой шёл медленно — восемь узлов, чтобы транспорты не отставали. Вода была спокойной, почти зеркальной, только редкие льдины проплывали мимо, похожие на белые айсберги в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.